

Занимательное садоводство

— Твои уже начали писать письма Деду Морозу? — Ты что, мои маленькие еще, они еще не пишут... Но про Новый год мои уже все-все понимают! — А-а-а, я забыла, им же еще и трех нет... А вот мои уже пишут. Ой, а я так переживаю, как бы они не заболели к праздникам! Эпидемия все-таки... — Ну, я своих витаминами кормлю.

Это диалог двух девушек в очереди в магазине. Стоящая рядом женщина постарше слушает его с умилением. — Как приятно! Такие молодые и уже с детьми... У вас сколько? — обращается она к одной из собеседниц. — Двое? — У меня? Пятнадцать.

Дебют

Девушки, обсуждавшие детей, — это я и моя временная коллега по детскому саду, самому обычному, в типичном спальном районе Москвы. Легенда, которую я еще неделю назад с успехом изложила заведующей этого заведения, такова: вышла замуж, занималась хозяйством, но сил больше нет сидеть дома, очень люблю детей, поэтому и пришла в садик. Да, знаю, что платят мало, но это не имеет значения, потому что муж меня полностью обеспечивает. Да, понимаю, что у меня нет педагогического образования, но неужели нельзя ничего придумать?

Заведующая — женщина немолодая, но боевая: яркий макияж, монументальная прическа, пышные формы обтянуты леопардовой водолазкой. Со мной она разговаривала исключительно на ты, и мне все чудилось, что она вот-вот назовет меня «милочкой». В конце концов она снисходительно вздохнула и отправила меня в отдел кадров. Там мне присвоили восьмой разряд с окладом 12 777 рублей и послали в ясельную группу.

Я познакомилась с напарницей, девушкой Таней 21 года от роду. Та в свою очередь познакомила меня с воспитанниками. В понедельник — первый рабочий день. Моя смена утренняя.

— Не волнуйся, — успокоила меня Таня. — Если что, нянечка тебе подскажет, что делать.

В семь утра в понедельник в детской раздевалке меня встречает душераздирающий плакат: «Ваш малыш ни в чем не виноват перед вами. Ни в том, что появился на свет. Ни в том, что создал дополнительные трудности. Ни в том, что не дал ожидаемого счастья. И вы не вправе требовать, чтобы он разрешил ваши проблемы». Тут же висит список детей, рядом с каждым именем — номера мобильных родителей. С грустью отмечаю, что почти у половины вместо номера папы — номер бабушки.

К половине восьмого начинают приводить детей. Многие капризничают, плачут, они еще толком не проснулись. Как только ребенок отвлекается от мамы, ей нужно быстро уйти, пока он опять не вцепился в нее. К восьми приходит нянечка Света, в ее обязанности входит приносить детям еду, мыть посуду и один раз в день — полы. Смешливая обаятельная блондинка, она умудряется за минуту развеселить детей и заодно подбодрить меня.

— Завтраком я их сама покормлю, — командует Светлана, расставляя тарелки, — а ты пока иди родителям звони.

Обзвон родителей не явившихся детей — очень важный момент детсадовской жизни. Если кто-то просто, без уважительной причины, остался дома, его надо отметить как присутствующего, буквы «н» достаиваются только те, кто на официальном «больничном». Дело в том, что на каждого номинально присутствующего ребенка выделяются продукты, да и табель посещаемости не портится. Пока я звоню, неугомонная Света успевает покормить детей, сводить их на горшок и привести в раздевалку.

— Музыки у них сегодня нет, физкультуры тоже. Так что сразу идешь гулять. Смотри, они уже сами свою одежду из шкафчиков вытаскивают.

Я беспомощно оглядываю гору барахла, вываленную на скамейки. Стандартная демисезонная прогулочная экипировка двухлетки не укладывается в голове: колготки, майка, комбинезон, кофта (ее под комбез?), свитер

(это-то уж точно поверх!), куртка, шапка, капюшон, шарф под куртку, еще один — поверх, чтоб капюшон не спадал. Сегодня детей одиннадцать, и их одежда, кажется, заполнила комнату до потолка. Я неуверенно вытаскиваю чьи-то сапожки из кучи:

— Э-э-э-э... Ну-ка, кто молодец, кто вспомнит свою обувь?

Мне везет, из угла кто-то гордо кричит: «Мое!» — и я иду переобувать откликнувшегося. С непривычки получается ужасно медленно, остальные дети нетерпеливо крутятся на скамейках... Ситуацию опять спасает Света.

— Ну чего вы тут копаетесь? — бодро говорит она. — Ладно, Аня, не тушуйся. Запомнишь со временем, где чье. Если все розовое с искусственным мехом — значит, Каринкино: ее мама уже с ума сошла на этом цвете. Барби, наверное, из дочки хочет сделать. Вон в том углу обычно Димка свое сваливает. Шапка с огромным помпоном — это Ванькина, мы тут каждый раз смеемся, помпон больше головы...

Продолжая болтать, Света успевает за пять минут одеть всех детей — я за это время еле-еле справляюсь с одним — и вытаскивает нас гулять.

— Телефон возьми — за временем следить, — напутствует она меня. — Если устанешь, хватит полутора часов. А лучше два.

Идем к площадке, попутно попрыгав во всех лужах. Очень скоро я понимаю, что подвижные игры и занятия — это утопия. Весь мой педагогический пыл уходит на то, чтобы постоянно держать всех детей в поле зрения. Наша игровая площадка расположена как раз рядом с калиткой, и малыш, заигравшись, вполне может выйти за территорию. Все два часа я бегаю вокруг детей и пересчитываю, пересчитываю... С прогулки возвращаюсь с ощущением, что только что пробежала марафон. После того как дети раздеты — точнее, после того как Света их раздела, — они садятся обедать.

— И ты тоже поешь, — улыбается Света.

— М-м-м-м, а разве это возможно? — говорю я, разнимая кого-то и пытаюсь найти достойные аргументы в пользу того, что ложками драться нехорошо. Нянечка с жалостью смотрит на меня.

— Ладно, — говорит она. — Потом научишься и есть, и следить за ними одновременно. А пока я тебя подменю. И после обеда не забудь подписать отказ от питания.

Я пытаюсь понять логику этого замечания. Света объясняет мне, что если воспитатель хочет обедать в садике, то у него из зарплаты вычитается определенная сумма. Однако поскольку в группе всегда полно «мертвых душ», поесть и так можно, да еще что-то и остается, пирожки, например — можно при случае домой захватить.

Еда простая: рассольник, пюре, котлета, но свежая и вполне качественная. Я быстро ем на кухне, слыша из игровой Светин голос, который не умолкает ни на секунду: «Машенька, возьми ложку правильно... Леша, дружок, сначала первое, потом второе... Артем, по-моему, кораблик в супе утонет...»

Дальше по расписанию тихий час. После очередного планового похода на горшок дети идут укладываться. Переодевать их в пижамы чуть легче, чем в уличную одежду, и я с гордостью отмечаю, что с половиной справляюсь сама. Ваня — так, ура, его я уже запомнила! — с энтузиазмом меня развлекает: надевает на голову колготки и носится по спальне, чтобы «ноги» за ним развевались. «Я чудоище!» — радостно объясняет он мне. Выглядит это так утомительно, что вместо того чтобы сразу «номер» запретить, я непедagogично смеюсь. А Ваня, увидев, что его «чудоище» пользуется успехом у аудитории, начинает носиться с удвоенным пылом.

Наконец распахиваю детей по кроватям. Но даже спящих их нельзя оставлять ни на минуту. Впрочем, как я узнаю позже, это правило чудесным образом перестает действовать во время педсоветов и собраний. Они обычно длятся полтора-два часа и требуют обязательного присутствия всех воспитателей и нянечек. После тихого часа моя первая смена заканчивается. Я чувствую невероятную физическую усталость, такое ощущение, что полдня разгружала вагоны. Дети просыпаются, многие во сне успели описаться. Я начинаю снимать постельное белье.

— Оставь, — говорит Света. — Мы меняем только пижаму и пеленку. Потому что все это стирают родители. А постель на нас, и стирать ее каждый день возможности нет. Так что ты просто не заправляй кровать, а оставь

ее до завтра — просушиться.

Контингент

К середине недели я осваиваюсь и даже успеваю нажить врага в лице учительницы музыки.

В среду привожу к ней детей разучивать танец снежинок. Ее задача — наигрывая на фортепьяно, научить их двигаться под музыку.

— Бежим на ковер — кружимся — бежим — летим — кружимся — поем. Ну-ка, давайте, мои сладенькие, — приговаривает худая рыжеволосая дама, питающая слабость к ажурным чулкам и уменьшительно-ласкательным суффиксам.

Дети беспомощно топчутся на месте.

— Не так, пусеньки, не так! — причитает педагог. — Сначала кружимся, потом летим, потом бежим, а потом опять кружимся! Чего это они у вас такие непонятливые? — последнее замечание относится уже ко мне, и оно меня задевает. Я уже хорошо знаю всех своих «снежинок», и насчет их умственных способностей у меня совсем другое мнение.

— Извините, но мне из вашего объяснения тоже мало что понятно. Куда бежим? Как кружимся? Что значит «летим»?

— Летим — значит пор-ха-ем, — моя собеседница машет кистями рук, видимо, изображая крылышки. — Кружимся — это по кругу. А бежим друг за другом. И снова летим.

— Все равно я запуталась. То бежим — потом летим, то летим — потом бежим. Неудивительно, что дети ничего не поняли.

Кажется, я говорю слишком резко. Маэстро в ажурных чулках с оскорбленным лицом закрывает крышку пианино.

— Учить преподаванию меня не надо. Я — учитель музыки по основному образованию! Вы что, сомневаетесь?

— Да нет, что вы, как можно?

Краем глаза смотрю на детей. Стоило двум взрослым теткам сцепиться между собой и на минуту предоставить их самим себе, как они тут же творчески раскрываются. Две девочки начинают без всякого принуждения танцевать перед зеркалом. Смешной веснушчатый Леша явно решил стать «королем мячей»: он уже держит в руках два и пытается схватить третий. Остальные дети радостно прыгают на мате, всем своим видом давая понять, что это им куда интереснее, чем какой-то дурацкий танец снежинок. Я вздыхаю и поворачиваюсь к музыкантше:

— Извините за резкость. Я вовсе не ставлю под сомнение ваш профессионализм.

— Ладно, кусечка моя, я не в обиде...

Позже я узнаю, что она написала на меня жалобу: «Мешает проведению занятий».

На самом деле «учитель музыки по основному образованию» — это действительно повод для гордости. В саду почти никто не работает по специальности, и уж тем более по основной. Почти все — случайные люди.

Скажем, моя напарница Таня закончила что-то среднее специальное на секретаря-референта, но когда пришла пора искать работу, муж сестры, имеющий какое-то отношение к саду, привел ее сюда. В результате она уже два года тут трудится, «потому что это в любом случае интереснее, чем бумажки в офисе переключать». Еще более типичен случай Светочки: она пришла в сад вместе со своим ребенком, когда он пошел в школу, до сада дорос второй, а потом привыкла.

— Уходить? А зачем? — смеется Света — Я по специальности повар-кондитер, дома и так полдня у плиты, еще и на работе готовить? Лучше я с детьми побуду.

Есть и более колоритные персонажи. Например, наш физкультурник, единственный мужчина из всего педагогического состава. 25 лет он танцевал в балете, состоял в труппе не последнего российского театра. А

теперь выходить на сцену уже возраст не позволяет, вот он и подрабатывает в детском саду. В коллективе его не любят, не зовут есть кремовые торты на дни рождения и за глаза презрительно зовут балеруном. Мне его печальное интеллигентное лицо кажется симпатичным, и между нами возникает даже некое подобие дружбы.

Еще есть те, кто выбрал работу по принципу «ближе к дому», кому скучно на пенсии, но очень мало тех, кто пришел сюда, потому что действительно умеет и хочет работать с дошкольниками. Слишком много обстоятельств должно совпасть, чтобы профессионал высокого уровня согласился работать за такую зарплату и в таком коллективе.

Перспективы

Один из таких профессионалов — методист Людмила. Педагог еще старой, советской закваски. В 90-е она ушла из системы образования, потому что «вокруг было слишком много легких денег». Заработала детям по квартире и... «Вы представляете, только когда они все разъехались, я поняла, что одной сидеть дома ужасно грустно. Так и решила снова выйти на работу, хотя за пенсионные 55 я уже перевалила».

Так или иначе, наш методист — единственный человек в организации, который может посоветовать что-то толковое. Она дает мне книги для чтения детям вслух, учит меня проводить занятия. Благодаря ей я даже составляю «программу изучения цветов», а на рисовании учу детей проводить прямые и волнистые линии. С Людмилой одна проблема: к ней сложно пробиться. Очередь страждущих возле ее двери не иссякает: советы методиста нужны не только мне. Каждый воспитатель должен сам разработать свою программу занятий с детьми, но большинство в педагогике абсолютные профаны. Второй раз с профессиональной учительницей музыки мы поругались в борьбе за методиста — ей показалось, что я сижу у Людмилы слишком долго. Есть ли на меня жалоба по мотивам этой ссоры, не знаю.

Людмила пытается замотивировать меня на дальнейшую работу в саду. Для этого она рассказывает мне, какую потрясающую я могу сделать тут карьеру. К сожалению, ее энтузиазм дает обратный эффект: я прихожу в ужас.

Меня ожидает одно из двух, причем один вариант совершенно утопический, а другой почти неизбежный. Первый выглядит так: из воспитателей перейти в старшие воспитатели, методисты, а потом уйти в чиновники. Таких случаев один на миллион. Более реальный сценарий — проработать тут много лет, получить заочно какое-нибудь педобразование, походить на курсы повышения квалификации и повысить свой разряд до 16-го. Зарплата в этом случае составит 24 668 рублей. 13% отнимите сами.

Проверка

В пятницу, уложив детей, я тоже решила лечь подремать. Пришедшие в первую смену воспитатели иногда такое практикуют. Убедившись, что все спокойно сопят, я свернулась на маленькой кровати — и... через пять минут подпрыгнула от громко хлопнувшей двери: в спальню вошла медсестра. Вместе со мной подпрыгнула половина группы, дети тут же начали хныкать.

«Почему постели плохо заправлены?!» — громовым голосом спросила гостя, указывая перстом на пустующие кровати. Я было попыталась ответить, что заправляю после тихого часа, однако она была неумолима: «А если сейчас проверка придет, а у вас беспорядки?» Продолжая громко ворчать, она заправила все кровати и вышла, разбудив очередным хлопком двери остальных детей.

«А если сейчас проверка придет?» — эту фразу я слышу раз по пять на дню. К концу первой недели я окончательно уверяюсь в том, что детский сад существует не для детей, а для таинственного существа по имени «проверка».

«Почему у вас разбросаны игрушки?» — «Потому что дети играют». — «Незачем играть всем одновременно, вдруг сейчас придет проверка, а тут бардак» — это классический диалог, бесконечно повторяющийся в различных вариациях.

При этом те требования, которые действительно имеют смысл, как раз и не исполняются. Скажем, в период эпидемии гриппа мы должны каждый день проводить кварцевание помещения и заполнять журнал: какая у детей температура, состояние кожи, на что жалуются и прочее. Разумеется, температуру детям никто не меряет, да и кварцевания лично я не видела ни разу. «Проверку» интересует лишь та реальность, которая отображена в журналах, и они исправно заполняются, причем цифры берутся с потолка. Выдели себе полчаса, заполни на две недели вперед, какая там будет у детей температура, — и хотя бы эта обязанность будет с тебя временно снята.

Подключилась невидимая «проверка» и к подготовке Нового года, которая по общей нервозности напоминала запуск космического корабля. 30 ноября заведующая объявила нам с Таней, что домой мы не пойдем, пока не украсим окна. Согласно приказу фасады дошкольных организаций должны быть украшены строго до декабря. Мы с Таней взяли бумажные узорчики, которые по заранее розданным трафаретам вырезали родители, и начали клеить их на окна. Часа через два с половиной, когда у меня уже зарябило в глазах, мы наконец справились. Позвали заведующую, чтобы она оценила нашу работу. Я ждала, что меня в кои-то веки тут похвалят.

— Что вы наделали?! — трагически воскликнула Ольга Петровна.

— Вы же просили украсить комнату... — неуверенно начала Таня.

— Просила-то просила... Но вы что, не видели окна в третьей группе?

— Нет, — еще более неуверенно промямлила Таня.

— Они наклеили узоры по-другому. А так как ваши окна выходят на одну сторону, вы должны были сделать так же, как они. Так что придется вам сегодня же все переделать.

— Что плохого, если окна будут оформлены чуть-чуть по-разному? — встряла я.

Собственно, задавая вопрос, я уже знала ответ. Ну, ясное дело — «проверка». Домой в тот день я вернулась около половины первого.

На следующей неделе подготовка к Новому году продолжилась. В понедельник, переобуваясь в раздевалке, слышу странный разговор в игровой.

— Плюй, давай, быстрее, а то мы опять отстаем от других групп.

— Да плюю, плюю... переместиться надо, вон тот угол еще неоплеванный остался.

— Ну, сейчас Аня придет, тоже поплюет.

Я робко всовываю голову в дверной проем.

— Уже, — говорю, — пришла.

— Замечательно, — радуется Света и вручает мне здоровенный комок ваты. — На, жуй.

— Э-э-э... зачем?

— Плевать будешь. Не хочешь, что ли?

— Да что ты, с удовольствием поплюю... Куда?

— Как куда? На потолок...

Методика новогоднего плева оказалась простой. От ваты надо оторвать маленький кусочек, хорошенько пожевать, чтобы он намок, обернуть в этот кусок хвостик дождики и подбросить к потолку. Если все сделал правильно, вата должна прилипнуть. Честно говоря, в соседстве с обклеенными скотчем и бумагой окнами эти комки производят удручающее впечатление. В конце концов, у нас же есть прошлогодняя мишура, есть картинки, которые Света рисовала витражными красками и которые, на мой вкус, замечательно смотрелись на окнах, пока нам не пришлось их снять: ведь третья группа таких не повесила! Весь день раздумываю, почему из всех способов украшения комнаты мы выбираем самый уродливый, и даже подхожу с этим бессмысленным вопросом к Свете.

— Так положено, — отвечает она. Потом немного думает и добавляет: — Я уже двенадцать лет в садике, всегда так украшали — наверное, еще со времен моей бабушки. Зачем что-то менять?

Дети

Те, для кого, собственно, мы все утро жевали вату, к нашим стараниям отнеслись прохладно. Окна со снежинками, которые со стороны улицы так услаждают «проверкин» глаз, дети вообще не заметили. А вот дождик вызвал некоторый ажиотаж. Первым на него обратил внимание один из моих любимцев, Роман, и стал

скакать, пытаюсь дотянуться до него рукой.

Я не стала объяснять ему, что детям прикасаться к дождику строго запрещено. Я решила вступить с детьми в заговор против администрации — взяла Романа на руки, и он восхищенно потрогал дождик руками и даже с радостным визгом смог оторвать одну дождинку. Тут же вокруг меня, нетерпеливо подпрыгивая и протягивая руки, собралась вся группа, каждый хотел, чтобы его подняли к потолку и позволили сорвать такую интересную блестящую штучку. И я всех по очереди брала на руки, устраивая каждому маленький праздник. В результате мы обдергали и опустошили целый угол. Зато дождик принес нам массу веселья и радости, а разве не для этого он и нужен? А угол я потом по-тихому оплевала заново, чтобы никто ничего не заметил.

Эта фраза звучит довольно глупо, но самое лучшее в детском саду — это действительно дети. Наверное, мне повезло с возрастом — от полутора до трех лет, — но ничего, кроме удовольствия, мне общение с ними не приносило. И, к моему удивлению, самым сложным в работе воспитателя оказалась вовсе не физическая усталость, не огромная ответственность и не постоянное внимание... Самое сложное — это любить всех поровну.

Мое педагогическое дилетантство проявилось в том, что у меня сразу появились любимчики. Находясь в перманентном состоянии умиления, я постоянно брала детей на руки, сажала на коленки, тискала и тетешкала. За это мне доставалось: нечего приучать к рукам! Наверное, с педагогической точки зрения, это очень правильно, но ведь сами дети, которые, может быть, недобирают чего-то от родителей, в садике постоянно забираются воспитателю на коленки, хватают за руку и вообще всячески стараются на нем повиснуть. И что — их отпихивать, что ли?

— Отучать, — бескомпромиссно говорит мне Таня.

Мне интересно наблюдать за тем, как складываются отношения в детском коллективе. Здесь у каждого уже своя роль. Есть девочка-кокетка — та самая, которую одевают в розовое: она любит вертеться перед зеркалом и никогда не играет в мальчиковые игры.

Есть мальчик Артем, которого мы со Светой между собой называем «адвокатом»: он ужасно серьезный, любит, когда все по правилам, а каждое свое действие громко фиксирует вслух: «Я пришел! Я поел! Я взял самолетик! Я положил самолетик!» Делает он это с таким видом, что я уверена: будь это в его силах, он бы составлял по каждому действию протокол и проводил проверку. Однако, как у большинства педантов, у Артема проблемы в коллективе — он почти всегда один, собирает кубики или слушает говорящую ворону-смешарика. Кар Карыч рассказывает сказки, цинично прерываемые рекламой курортов Краснодарского края. Несмотря на свою послушность, в число моих любимчиков Артем не входит, мне милее хулиганы.

У Вани папа шофер, Ваня обожает машины и собрал вокруг себя банду автомобилистов — трое мальчиков постоянно устраивают гонки, опрокидывая стулья. В их кругу уже культивируется верность общему делу: если кто-то бросает машины и идет играть, например, в конструктор, Ваня прибегает и рушит все, что построил отступник. В мои обязанности входит его за это пожурить, но в глубине души я понимаю его мотивы.

Девочек условно можно разделить на два клана. Первый — последовательницы Карины, такие «девочки-девочки». Второй — пацанки, дружащие с хулиганами и иногда даже их превосходящие. Среди них Ванина подружка, которой иногда — невиданное послабление для девочки! — тоже разрешается участвовать в гонках. Розовая Карина смотрит на бегающую с машинками Алену с недоумением. Между двумя кланами холодная война, да и как иначе, ведь речь идет о непримиримых философских разногласиях. В глубине души я на стороне первых и, пожалуй, дружу с ними чуть больше. Я люблю их на их красивые платица, а если у меня выпадает свободная минутка, мне нравится вертеть длинноволосым девочкам всякие замысловатые прически. Может, я просто не наигралась в куклы?

У Ромы, мальчика, который с первого дня занимал первое место среди моих любимчиков, есть небольшая проблема с речью — ему скоро три, а он еще почти не говорит. Однако свой недостаток он умело обратил в достоинство: когда ему хочется пообщаться с кем-то из взрослых, он подбегает, закидывает голову, смотрит на тебя и лучезарно улыбается. Это выглядит настолько трогательно, что Роман ходит в фаворитах у всех воспитателей и нянечек, лишний раз подтверждая, что главное в жизни — правильное позиционирование.

Работа воспитателя действительно затягивает. Если сначала я не могла выучить, как кого зовут, то к концу первой недели запомнила, и у кого какие привычки, и кто что любит, и во что играет, и чем интересуется, и как коверкает слова... Я уже не могу выкинуть из головы мысли о работе, уходя с нее, и при встрече рассказываю друзьям о своих подопечных. И все задают мне одни и те же два вопроса.

— А не бывает так, что на работе ты злишься, ругаешься, кричишь, выходишь из себя? Все-таки много детей — могут действовать на нервы...

Я честно отвечаю, что ругаюсь, но не с детьми, и из себя выхожу, но не по их поводу, и злюсь постоянно, но не дети тому причиной, и на нервы в детском саду действует почти все, кроме них.

Второй вопрос заставляет меня тяжело задуматься:

— А ты бы своего ребенка сюда отдала?

У меня пока нет своих детей, но есть, например, крестник полутора лет от роду. И я вынуждена констатировать, что среди моих новых коллег есть только два человека, которых я бы к нему допустила на расстояние ближе пушечного выстрела: это Людмила, потому что она — хороший педагог, и Света, потому что она — хороший человек.

Последнее собрание коллектива, на котором мне посчастливилось присутствовать, посвящено уже не детям и даже не родителям. На повестке дня совсем другая тема. Летом в саду пару раз пропадали деньги, что уже было предметом разборок. Теперь новое происшествие: пропали не деньги, а десять пачек «Прогресса» и двенадцать «Туалетных утят». Все бурно реагируют.

— У меня вообще на всю эту химию аллергия, вы же знаете!

— Поймать крысу и побить!

— В следующий раз я вызову милицию, — сурово подытоживает заведующая.

Мне почему-то становится очень смешно, я не сдерживаюсь и в кабинете раздается мой подозрительно детский смешок. Уж не знаю, что меня так развеселило — то ли я представила себе злоумышленника, который, воровато озираясь, прячет под пальто двенадцать «Туалетных утят», то ли воображаю бравых оперов, расследующих это запутанное дело... На меня со всех сторон смотрят укоризненно.

Все, пора увольняться. Строго говоря, мне даже увольняться не надо, поскольку официально меня так и не успели оформить. После собрания иду в раздевалку и начинаю выгребать из карманов пальто все, что там скопилось. Крошечные перчатки, которые я подобрала на детской площадке, а потом так и не нашла хозяина. Кучу смятых салфеток — вытирать детям сопли на прогулке. Надкусанную шоколадку «Баунти», которую кто-то несанкционированно принес в сад, а я отобрала, потому что когда один ребенок ест шоколад, всем остальным завидно. И еще кучу каких-то объедков, огрызков и просто непонятного происхождения мусора. Смотрю на все это и понимаю, что мне безумно жаль оставлять детей, я к ним уже привыкла. Интересно, осталось бы у меня это чувство лет через десять такой работы?

Анна Лелер

Автор: Анна Лелер © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2778 02.02.2010, 09:09 👤 339

URL: <https://babr24.com/?ADE=83709> Bytes: 25472 / 25412 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)